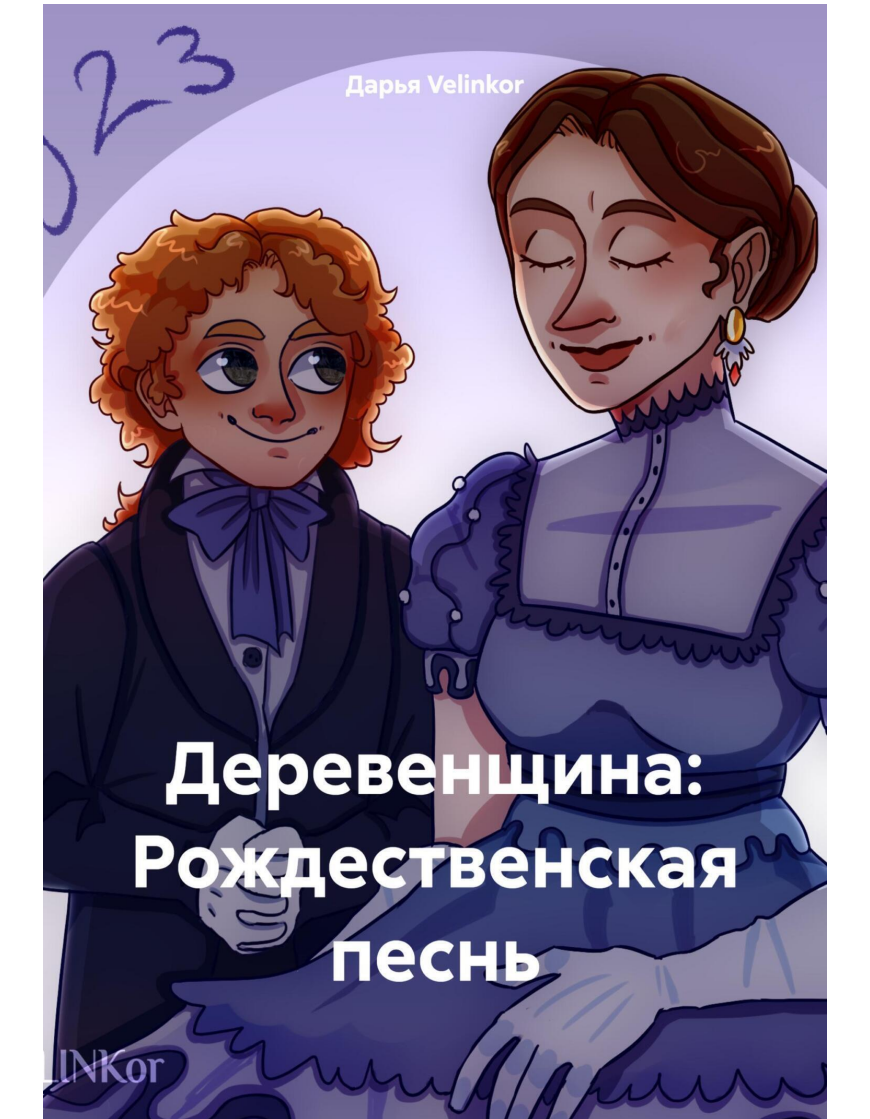

Дарья Velinkor

**Деревенщина:
Рождественская
песнь**

Дарья Velinkor
Деревенщина:
Рождественская песнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238671

SelfPub; 2024

Аннотация

В одно светлое Рождество в домике посреди Петрограда жильцы готовились ко сну. Только вот незадача, за ними стал кто-то наблюдать...

Дарья Velinkor Деревенщина:

Рождественская песнь

Город встретил Новый 1820 год. Над белевшим Петербургом разлилась молоком ночь. Часы с кукушкой в двухэтажном голубом домике супротив церкви пробили полночь. А Егорушке нашему ненаглядному всё не спалось.

– Ты чего? – сонно пробормотала, потирая глаза, сидящая в кресле Паула.

– Ничего. Спокойной ночи – прошептал Егор.

– Не нравится, что ли?

– Чего-о? – затынул мальчишка – Чего не нравится-то?

– Как чего? Рождество – ухмыльнулась девушка – Душа в ад просится? Признавай, просится!

– Нет, я привык уже. Хорошо мне! – Егорушка насупился и уткнулся взглядом в пол – Спать не хочется просто. Большой я или нет, в конце-концов? Сам могу решить, когда лечь, а когда встать!

– Можешь, конечно, вот только мне придётся одной в церковь с утра тащиться. Неужто бросишь свою матушку?

– Да тут тащиться-то!.. – малыш указал на окно и виновато взглянул на Паулу – Может быть мне сказка поможет?

Хозяйка лениво вздохнула, потянулась и слезла с нагретого

того местечка. Она подхватила Егора и потащила юнца по лестнице, напрямиком в скромную, но от того не менее уютную комнатку. Детёнок наскоро был укутан в пуховое одеяло, воткнут щекою в гусиную подушку, а в руках, в обнимку у него красовался уродливый ярморочный чёрт.

– Готов? – просипела Павлуша.

– Угу – замычал Егорушка.

– Жил-был на свете маленький ангелочек...

Егор перевернулся на спинку и уставился на мать.

– Была у этого ангелочка мечта, чтоб в Христово Рождество сам Иисус пришёл к нему и воздал добро...

Малыш заёрзал.

– Когда в домике светлой девочки Софьи вешали праздничные украшения, ангелочек обратился игрушкой и сел на Ель в ожидании Христа...

Егор чихнул. Паула поёжилась:

– Ну чего ты? Это я шучу, дурачок. Сейчас будет тебе хорошая сказка...

– И эта неплохая. Правда! Только вот ангелы такие странные, знаешь, мам? – мальчишка уставился на окно – На человекoв самих совсем непохожие. Убогие.

– Буквально, Егорушка, буквально – Паула настороженно следила за сынишкой – Забудь-ка, а? Давай про поросят расскажу, хочешь? Что-то ты разволновался совсем. Успокаиваться надо.

Мальчишка завертелся на месте:

– Услышал, что ты о Нём говоришь и теперь смотри. Ну, пошёл, пошёл! – детёнок выскочил из-под одеяла и давай ба-рабанить по подоконнику. Паула – за ним. Начала всматриваться – пусто.

– Не улетает, мам, убери его! Или лучше просто спрячемся!

– Да кого его-то? – девушка начинала злиться, решив, что сынишка её разыгрывает. Егорушка прыгнул на подоконник и шлёпнул матушку по лбу.

– Смотри! Только осторожно.

Ровно в полуметре от окошка, над землёю, порхало нежнейшее создание. Светлый лик, искренне добрые глаза, белокурые волосы, слегка розовые щёчки, голубые ангельские глаза, белоснежно чистые, сверкающие крылья – перо к перу, руки сложены в молитвенной позе, а ноги скрыты за длинным подолом рубахи – такой же идеальной, как и всё остальное. Паула приоткрыла рот от удивления. Оно выглядело точь-в-точь как на иконах. Совершенно. Божественно.

– А зачем смотрит, не знаешь? – девушка словно по повелению шагнула вперёд, но дальше, чем на шаг двинуться не могла – её за подол юбки крепко держал Егор.

– Подглядывает и подслушивает, что о Нём говорят. Все Они нечестные. Ну, для нас нечестные, Там-то слезка в порядке вещей! – ребёнок потряс кулачком из-за матери.

– Боишься Его? Не нравится? Ангел же – она вдохнула полной грудью – Но каков... – глаза девушки жадно сияли.

Ангелочек наконец моргнул и состроил жалобную гримасу.

– Пойдём отсюда, а, мам? – Егор тихонько зашептал, но Паула не могла оторвать взгляда, будто застыла. Она о чем-то думала – Ну пойдём, мам! – малыш захлюпал – Быстрее, мам!

– Тише-тише. Идём, да, идём – тяжело дыша зашипела девушка – ты только глянь... А? – рука сама собою потянулась к окну.

Ангел, словно в ответ, приблизился к ставням и блаженно заулыбался.

– Не спустимся мы – Егорушка зарылся в подол – Ой, не надо было тебе показывать, не надо... теперь он знает – его видели.

– А что это нам даёт? – всё с таким же трепетом продолжала девушка – Он божественен... Не убьёт же Его создание нас? Не создано для этого.

– Может и не убьёт, но петть будет.

– Зачем, Егорушка? – Паула на секунду отвела взгляд от окна и вздрогнула – детёныш посинел и скукожился где-то в складках её юбки – Ну что ты томишь?

– Да если ж я расскажу – он всё поймёт! Не чаруйся им, мам, ну, пожалуйста! Ради меня!

– Глупости какие! Чтоб я... – Паула мгновенно пришла в себя и теперь прятала глаза, изо всех сил стараясь не смотреть на посланника Божия. Тот уже не отрывал взгляда и вообще перестал моргать. Он лишь свято улыбался, казалось, вы-

жидая момента, когда домашние переживут все стадии от отрицания к принятию. Ангел, плавно порхая, двигался к окну.

Прыгнув на месте, пошатавшись и убедившись, что Он всё ещё следит, девушка сделала робкий круг по комнатке, а затем, перекрестившись, швырнула прикроватный стул в окно. Осколки разлетелись, ангел нервно замотался. Паула и схваченный ею Егор скрылись за дверью, сбежали вниз по лестнице и ринулись напрямиком к камину – в подвал. Дверь в тайный проход была плотно заперта, но никакой надежды на сохранение не было. Успокаивала иллюзия скрытности.

Жильцы еле слышно вздохнули, но девушка не могла ждать:

– Так что плохого в ангелах? Или им пера жалко? Если жалко, то чёрт с ними, ой... В общем, пусть подавятся!

– Не, их пёрышки лишь прячут их безобразную сущность. Они всегда приходят в Рождество к тем, кто верит и ждёт...

– Что-то напутали видать...

– Да ты послушай-послушай! Они поют! А когда поют, человек всё плохое забывает. Вот и получается Светлый Праздник Рождества – Егор поёжился и взобрался на стол в центре комнатки – Это что у тебя? – он перевёл внимание и указал пальчиком на широко раскрывшую рот, отделенную от тела женскую голову в банке.

Павлуша наскоро сгрэбла склянки со стола и упрятала в ящик под ним.

– Да так, декорация, с Купалы осталась. Чего ещё про ан-

гелов расскажешь?

– Хм... – Егорушка почесал макушку – Если подумать, то ничего.

Паула всплеснула руками:

– Как же? Как же так? Ты же из этих, из демонов! чертей! Может ещё в котелке покопаешься?

Наблюдалась драматическая картина – мальчик скрестил ручки и обиженно выпятил губу:

– Я же прежде всего не чёрт, а ребялёнок твой? Да, мам? – мальчик снизу-вверх посматривал на девушку неестественно большими глазами.

– Да, да. Конечно, ты мой малыш, но...

– Вот и закрыли вопрос! – Егор как ни в чём не бывало сиганул со стола и засеменял по подвалу.

– ...Нам бы так пригодился данный экземпляр – она шаркнула ножкой и заложила руки за спину – Хотя бы в картиночном виде, но лучше бы... Лучше бы перо!

– Ага, а ещё лучше целого. Ты же сказала, что «пусть давятся». Соврала опять, ай-ай-ай! Мам, это же ангел! Как ты его ловить собралась?

– Придумаю. Времечка немного есть – засуетилась девушка – Он же ещё вернётся? Господину Вольдемару очень понравится, если я добуду ему такую птичку. Даст за это нам много денежек, а на эти денежки хибару отремонтируем. Всю комнату дубом обставлю.

Паула расставила руки, представляя, что их ждёт.

Егорушка вытянулся и начал проситься на руки. Хозяйка мягонько приподняла его:

– Что за нежности? Да не бойся ты, дорогой, мама как всегда найдёт выход.

Егор сильно-пресильно прижался к маменьке:

– Не надо, а? Сдались тебе эти ангелы. Мне страшно, знаешь, коли поймают – сотрёт и меня из твоей памяти.

– Тю, дурачок! Пусть сначала поймают! Так что, раскрошь матушке секрет поимки?

Егор глядел на Паулу, Паула на Егора. После минуты мучений от нешелохнувшейся матушки он сдался:

– Только перо помогу достать, о большем не проси. Это не водяной, не лихо, не вурдалак даже – хуже, чем кажется. Ты в это поверить не можешь, потому что он приветливо выглядывает. Но знай, что ангелы в разы юродивее демонов. Они отнимают у людей самое драгоценное – их ошибки, они подсматривают, докладывают, наговаривают Ему...

Паула затаила дыхание и потупила глаза.

– ...Всегда учтивы и выполняют приказы, тьфу! – Егорушка театральнo сплюнул – Когда дети умирают, когда старики замерзают, когда женщин насилуют, а мужчин убивают – где они? Сбили перед новым годом ребёнка, а? Ты мне сама говорила, приказывала на улицу без тебя не выходить! Девочка дорогу перебежала, а её лошадь в мясо смлотила. Они только и заявляются на праздники! Помощи нет, нет помощи! Только улюлюкание...

Павлуша совсем сникла.

– ...Снисходят, чтоб поглазеть как им всем здесь рады, душу вылизывают. Картинки с их изображением нацеловывают, лбами полы прошибают, последние гроши в их честь отдают! Только нет их уже, настоящих ангелов-то. И пусть у нас рога и копыта – Егор встал в стойку и ударил в грудку – Мы настоящие, а у них лишь куча навоза внутри.

Паула скривилась и откровенно заржала, прикрывая рот:

– Очень хорошо начал! А как закончил-то – ещё лучше! – она помотала головой, пару раз шлёпнула себя по щекам и выдавила – Убедил-убедил. Хрен с ними, с этими перьями. (В ораторскую школу тебя отдам, как только праздники закончатся) Давай тут и ляжем спать, может, позабудет про нас ангелочек? Тихо, вроде.

– Может. Сочтёт неважным наверняка. Да и кто бы в Их существование на слово девочке и ребёнку поверил?

– И то верно – Паула уже заметно смелее взобралась на лестницу и достала с верхней полки пышное одеяло – Им, наверное, частенько стульями по Ликам попадало?

Егор повеселел. Семейство наскоро разложило всю атрибутику. Вышла чудная конструкция – столешница была обложена стульями, чтоб, не дай бог, никто не свалился. Посередине красовалась импровизированная простыня из какой-то скатерти в несколько слоёв. У изголовья возвышалась подушища, а покрывало покрывало. Гармония вновь окутала дом Паулы Ивановны.

Егорушка, выслушав сказку про трёх адовых поросят, смиренно засопел и сладенько причмокивал во сне. А вот Пауле не спалось. Она лежала с широко раскрытыми глазами и глядела в потолок. Ей было ужасно страшно. Чувство незащищённости пронзило её ручки, ножки – она не могла пошевелиться, по телу бегали мурашки. Она искося взглянула на Егора, поморщилась, но переводить взгляд на дверь не решалась. Там кто-то был.

– Господи Ииуссе... Отче наш... Иже еси.. на небесе... – тихо зачитала она и вдруг услышала такой нежеланный шорох. Из угла послышалось еле слышное детское пение:

Много было в небе звезд

Теплой ночью ясной...

Девушка приподнялась на «кровати».

– Да святится имя твое... – она понадеялась, что ей всё это лишь чудится, но ком подступил к горлу, а в ушах зазвенело:

Тихо спал Иисус Христос

На соломе в яслях...

– Да придет царствие твое! – Паула невольно зарыдала. Проснулся Егор.

Дева-Мать, склонясь над Ним,

Нежно напевала...

– Да будет воля твоя! – всё лицо её покрыли горячие слёзы. Егор завыл, не сказав не слова. Потухла свеча у стола.

Ночь мерцала золотым

Звездным покрывалом...

Мракобесие началось в душах домашних. Сердца заколотились, заболела грудь. Пение приближалось и становилось многоголоснее. Заболела и голова. К ним в ноги подлетел опухший, монотонно пульсирующий, кроваво-красный глаз. Ноги и руки совсем отказали. Воняло смрадом. Крылья Его, росшие на местах разреза век, походили на ком грязи. К ним прилипли чьи-то волосы, уличный мусор, впитались какие-то жидкости:

Пели ангелы Христу,

Славили Рожденье...

Паула истошно орала, но в подвале, кроме Егора её никто не слышал. Детёнок замолк, замер и начал синеть. Дыхание в глотке иссякло. Девушка закашляла, засипела и в одно мгновение без чувств рухнула на «кровать». Они очистились.

В мир принес Он красоту,

Веру по Спасенье!